

DOI 10.23683/2415-8852-2018-3-75-88

УДК 316

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ УТОПИИ: ОТ ОБЩЕСТВА-БЕЗ-ПРЕСТУПНОСТИ К ТЕХНОСОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Анна Михайловна Разогрева

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: a.razogreeva@gmail.com

Аннотация. В статье сопоставляются две криминологические утопии – советская, построенная на вере в отмирание преступности по мере приближения к коммунизму, и утопия современного общества контроля, основанная на технологическом производстве безопасных пространств, процессов, ситуаций. Комбинируя идеи Манхейма о различении идеологии и утопии, биополитику Фуко, общество контроля Делеза и техносоциальность Латура, автор анализирует устройство этих проектов в их отношении к повседневности.

Советские мечты об идеальном социальном устройстве общества без преступности характеризуются в их разрыве с повседневностью. Они неоднократно были озвучены в партийных программах, обростали концептуализациями в специальных главах из учебников криминологии, оживали в советских детективах, но не работали на практике. Профессионалы и широкая публика неизменно занимали в отношении этого проекта дистанцию – романтическую, циничную или критическую в зависимости от времени и обстоятельств. Идея освобождения общества от преступлений, отодвинутая в неопределенное будущее, приобрела в рутинных практиках советской судебной бюрократии размерность обязательного судебного представления о выявлении причин и условий совершения преступления.

Утопия безопасности, напротив, описывается автором статьи через сокращение дистанции от проекта до его технологического воплощения. Вместе с видеокамерами, бесстрастно фиксирующими происходящее, технологиями распознавания лиц, чипами для собак и детей, детекторами алкоголя и датчиками движения в автомобиле безопасность старательно и последовательно встраивается в инфраструктуры мегаполиса. Гаджеты и разного рода устройства, выдвигая на первый план онтологию, нейтрализуют сомнения в утопичности безопасности, которая посредством технологий врастает в ткань повседневности. Она оказывается одновременно недостижимой и реализованной здесь и сейчас. Вопрос в том, как этот эффект достигается?

Ключевые слова: криминологическая утопия, преступность, безопасность, общество контроля, техносоциальность, пространство, город, технологии безопасности, вещь.

Открывая в 1977 г. в Коллеж де Франс лекционный курс «Безопасность, территория, население», М. Фуко начинает с описания основных модальностей правительственности в привязке к контролю над преступностью – закона, дисциплины и безопасности [Фуко: 16–24]. Запрет и наказание, сложная система превентивных и посткриминальных действий по контролю и надзору задают инфраструктуру противодействия преступности в современных обществах. Фукодианскую разметку криминологического знания и практик можно применить к осмыслению утопического как криминологического, проговоренного в философских трактатах, материалах партийных съездов, советских детективах, антиутопиях и научной фантастике. Речь идет об идеальных проектах устройства общества, где преступности нет или существует идеальная система контроля над преступностью. Текст выстроен между тремя точками, сопряженными с модальностями права, дисциплины и безопасности в их конкретно-исторических проявлениях – в классической утопии, советском обществе-без-преступности 1960-1980-х гг., воплощении антиутопических фантазий в современных технологиях обеспечения безопасности.

Утопия: преступление и наказание

Создавая первые описания идеальных детерриторизованных обществ, первоот-

крыватели жанра утопии не питали иллюзий в отношении человеческой природы и готовности индивида к совершению преступлений. И на острове Утопия, и в городе Солнца преступления совершались. Основной вопрос для Мора и Кампанеллы был не в том, как помыслить общество без преступности, а в том, как разумно организовать практики обращения с правонарушителями на пользу обществу.

Томас Мор составляет затейливый список преступлений утопийцев, среди которых, наряду с привычным воровством и насилием, присутствуют прелюбодеяние и нелегальная миграция – без разрешения управленцев город даже на время покинуть запрещено [Мор: 36]. Мор продвигает жесткий биополитический проект, ориентированный на сохранение и воспроизводство трудоспособного населения. Главное наказание, применяемое всегда и для всех, – это пожизненное или временное, смягченное или ужесточенное рабство, моральную экономику которого Мор превозносит на все лады:

«Оно является достаточно суровым для преступников и более выгодным для государства, чем спешить убить виновных и немедленно устранить их. Труд этих лиц приносит более пользы, чем их казнь, а, с другой стороны, пример их отпугивает на более продолжительное время других от совершения подобного позорного деяния. Если же и после такого отношения к ним они станут опять бунто-

вать и противиться, то их закалывают, как неукротимых зверей, которых не может обуздать ни тюрьма, ни цепь. Но для терпеливо сносящих рабство надежда отнюдь не потеряна. Если продолжительное страдание укротит их и они обнаружат раскаяние, свидетельствующее, что преступление тяготит их больше наказания, то иногда власть князя или голоование народа может или смягчить их рабство, или прекратить его» [Мор: 49].

Томмазо Кампанелла своим описанием порядков в Городе Солнца вполне мог бы вдохновить Эддарда Старка из «Игры престолов» на его знаменитое «Тот, кто выносит приговор, сам заносит меч». Особая система управления, разделенная между Мощью (оборона / безопасность), Любовью (биополитикой), Мудростью (производством знания), совмещает исполнительную и судебную власть в лице *начальника мастерства*, который наказывает нарушителей *изгнанием, бичеванием, выговором, отстранением от общей трапезы, отлучением от церкви, запрещением общаться с женщинами*. Наказание для возмездных преступлений определяется по принципу возмездия: «око за око» вплоть до смертной казни, которая *«исполняется только руками народа, который убивает или побивает осужденного камнями, и первые удары наносят обвинитель и свидетели»*. Самые достойные вправе лишиться себя жизни без посторонней помощи – обложиться мешочками с порохом, поджечь их и сгореть с честью и при поддержке присут-

ствующих [Кампанелла: 98–99]. Особые меры символического воздействия предусмотрены для содомитов: как извратители нормально-го порядка вещей они обязаны в течение двух дней носить на шее башмаки [там же: 61].

Модернистский пенитенциарный порядок, артикулированный Чезаре Беккариа в трактате «О преступлении и наказании», стал дискурсивным воплощением умозрительных построений Мора и Кампанеллы – идеи об адекватном соотношении преступления и наказания, о предупредительном воздействии наказания, об экономической целесообразности применяемых государством видов наказаний, о дисциплинарных практиках работы с телом осужденного [Беккариа]. Эти формулировки – рациональные, универсальные, трансцендентные, критические, а значит, поддерживающие архитектуру утопического воображения [Вахштайн: 22–28] – переключивали в программы политического действия и законы европейских государств Европы и России, изменяя само понимание преступления и наказания. Так, Н.С. Таганцев – может быть, самый авторитетный русский криминалист второй половины XIX – начала XX в. и один из разработчиков Уголовного Уложения 1903 г. – в «Курсе русского уголовного права» характеризует Екатерининскую комиссию для составления нового Уголовного Уложения 1767 г. как «попытку построить наше законодательство на отвлеченных началах, независимо как от русского исторического материала, так и от

определенного иностранного кодекса» [Таганцев].

Впрочем, построение коммунизма в СССР – одна из наиболее масштабных попыток практической реализации утопии – обернулась ГУЛАГом. О чем голосом зэка Руськи Доронина, жаждущего женского тела, напоминает Солженицын в романе «В круге первом»:

«– А чего ж плакать? Обо всем, Клара, плакать – слез не хватит. Я – не один. Послали на Воркуту – а там уж таких молодчиков! уголь долбят! Вся Воркута на зэках стоит! Весь Север! Да вся страна одним боком на них опирается. Ведь это, знаете, сбывшаяся мечта Томаса Мора.

– Чья?.. Мне стыдно бывает, я многого не знаю.

– Томаса Мора, дедушки, который «Утопию» написал. Он имел совесть признать, что при социализме неизбежно останутся разные унизительные и особо тяжелые работы. Никто не захочет их выполнять! Кому ж их поручить? Подумал Мор и догадался: да ведь и при социализме будут нарушители порядка. Вот им, мол, и поручим! Таким образом, современный Гулаг придуман Томасом Мором, очень старая идея!» [Солженицын: 238]

1984: Ленинка за ликвидацию преступности

В основу проекта, за который в 1984-м г. группа советских криминологов получила Государственную премию, было положено ленинское видение счастливого будущего ком-

мунистического общества, существующего без права, аппарата принуждения и преступности:

«Мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общечеловеческого поведения, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут «отмирать». Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать» [Ленин: 81].

В 1960 г. в редакционной статье одного из главных советских юридических журналов «Правоведение» с характерным названием «В.И. Ленин о социалистическом государстве и праве» вопрос об отмирании государства и права отодвигается в неопределенное будущее.

«Сейчас мы можем ставить вопрос о ликвидации преступности как социального явления. Для этого имеются объективные предпосылки, заключающиеся в том, что в социалистическом обществе нет имманентных ему социальных причин, порождающих преступность, все большее значение приобретает профилактика преступности, а значит, правильные методы борьбы с преступностью, правильная организация отбывания наказания» [Правоведение: 8].

О переходе к практическим действиям по построению коммунизма было объявлено с трибуны XXII съезда КПСС. В Третьей Про-

грамме КПСС, принятой 31 октября 1961 г., про ликвидацию преступности не было сказано ни слова. Однако в развитие Программы в 1964 г. было издано Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране», которым в учебные планы юридических вузов была возвращена криминология. На нее и была возложена задача научного обоснования мер, направленных на решение проблемы преступности.

Постановление обсуждалось во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР. В обсуждении участвовал зам. заведующего отделом административных органов ЦК КПСС С.И. Грачев:

«...Рассказал о большой предварительной работе по изучению состояния правовой науки и юридического образования, предшествовавшей принятию постановления ЦК КПСС. В результате этой работы были определены главные направления правовой науки. В изучении причин преступности и разработке научных основ ее предупреждения сделаны лишь первые шаги; необходимо приступить к исследованию узловых вопросов борьбы с преступностью. Главным в работе института должны быть не только создание монографии и научных трудов, но и разработка конкретных предложений, направленных на решение поставленной Программой КПСС задачи предупреждения, а затем и ликвидации преступности в СССР» [Звирбуль: 147–148].

От ученых, которые по новой номенклатуре специальностей относились теперь к уголовному праву, неразрывно связанному с криминологией и уголовно-исполнительным правом, срочно требовали разработать общую концепцию криминологического предупреждения преступности с использованием «результатов социологических исследований» и во взаимодействии с «экономистами, философами, психологами» [Звирбуль: 147]. Судя по перспективному плану работы ВНИИ, «научные основы предупреждения преступлений» (тема 2) рассматривались в неразрывной связи с «анализом преступности, ее причин и динамики в СССР» (тема 1) и творческим осмыслением «теоретического наследия В.И. Ленина по вопросу о путях ликвидации антиобщественных явлений в социалистическом обществе» (тема 3) [Звирбуль: 147].

Проделанная работа была столь значительна, что в 1984 г. коллективу авторов, представляющих ВНИИ по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, Институт государства и права АН СССР, МГУ, Московскую высшую школу милиции, была присуждена Ленинская премия в области науки за цикл работ «Разработка теоретических основ советской криминологии», опубликованных в 1961–1982 гг.

За что криминологи получили главную премию страны? Во-первых, за обоснование

идеи о преходящем характере преступности «с историко-материалистических позиций»:

«...Социальные условия классово-антагонистического общества определяют неизбежность преступности, имманентно присущей подобным условиям, а социалистическая действительность сохраняет лишь возможность существования преступности и одновременно предопределяет необходимость и неизбежность ее преодоления» [Курс... 1985: 9–10].

Во-вторых, за разработку теоретических основ системы предупреждения преступности, совмещающих в себе репрессивную (укрепление государственной дисциплины») и профилактическую («предупреждение преступности путем устранения ее причин, повышения эффекта предупредительной и воспитательной коррекции поведения людей») функции [Курс... 1986: 16].

Движение к утопической цели – окончательной ликвидации преступности в СССР – сопровождалось трансформацией права и практик правоприменения. Советская модель уголовной юстиции в 1960–1980-е гг. совмещала в себе элементы права, психотерапии и социального инжиниринга. Сотрудник правоохранительных органов и суда должен был думать не только о поимке и наказании преступника, но и о способах его исправления и ликвидации условий совершения расследуемого преступления. В 1981 г. Основы

советского уголовного судопроизводства были дополнены разделом 7 «Меры по предупреждению преступности». В ходе дознания следователь и прокурор должны были устанавливать условия совершения преступления и принимать меры – вносить обязательные для исполнения представления – по их устранению. А суд – выносить частные определения. Это значит, что в каждом уголовном деле появляются представления, адресованные профильным профилактическим подразделениям (например, участковым или комиссиям по делам несовершеннолетних) или руководству предприятий, учебных заведений и т. д.

Один из лауреатов премии 1984 г. И.И. Карпец, успевший поработать в системе МВД СССР на рядовых должностях, директором ведомственного НИИ, начальником Главного управления уголовного розыска МВД СССР и вновь директором НИИ, в начале 1990-х гг. скептически рассуждает об утопичности практик борьбы с преступностью, сложившихся на тот момент:

«Главный теоретический документ – Программа КПСС – по вопросу о судьбах преступности содержал ошибочные положения. И лишь настойчивость ученых избавила от них новую редакцию этой Программы. От чего же нужно было избавляться? Прежде всего от таких формул, как: “в обществе, строящем коммунизм, не должно быть места правонарушениям и преступности”; о “ликвидации преступности и всех причин, ее по-

рождающих” (!!)). Поскольку тогда было объявлено о вступлении нашего общества в период развитого социализма (от скорого прихода к коммунизму пришлось отказаться), то не чем иным, как абсурдом, выглядела формула, что “в обществе, строящем (!) коммунизм, не должно быть места преступности”» [Карпец: 79].

Однако следующего шага по деконструкции утопических оснований советской криминологии ни лауреат, ни кто-либо другой не сделал. Уголовная система и после УПК 2002 г. инерционно продолжает работать по криминологическому сценарию эпохи позднего социализма – на выявление причин и условий совершения преступлений, когда в обязательном порядке по каждому уголовному делу, находящемуся в производстве, выносятся обязательные для исполнения криминологические представления. Сотрудники системы относятся к этому как к неприятной бюрократической обязанности, а адресаты испытывают сложный спектр эмоций от недоумения до негодования:

«Как отписаться на ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРИНЯТИИ МЕР ПО УСТРАНЕНИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВОВАВШИХ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. Предлагают установить тревожную кнопку, установить сейф, проводить инкассацию выручки ежедневно. У меня сезонная рабо-

та, поэтому я могу лишь только установить сейф. Да и выручка у меня не каждый день. СПАСИБО!

На предприятии, где я работаю в данное время, пришло представление о принятии мер по устранению причин и условий, способствующей совершению преступлений, на имя директора. Чем опорочило мое имя перед директором и сотрудниками. В июле 2017 г. на участке моего дома было совершено хищение имущества, принадлежавшего мне, на сумму 8000 т. р., сотрудник полиции мл. лейтенант халатно относится к своим прямым обязанностям и порочит мое имя, чем является вторжением в личную жизнь. Помогите грамотно составить жалобу прокурору»¹.

Буйство технологий: криминологические горизонты общества контроля

Сохранив архаичную бумажную форму, представление об устранении причин и условий совершения преступления по мере перемещения из утопического советского прошлого в неолиберальное технократическое настоящее в ряде случаев производит содержательную политико-онтологическую подмену адресата:

«Здравствуйте. Пришло по почте ПРЕДСТАВЛЕНИЕ об устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений или правонарушений. В котором указывается необходимость установки кнопки тревожной сигнализации с вы-

¹ Запросы, размещенные в [юридической социальной сети](#). Орфография и синтаксис сохранены.

водом на ПЦН. Магазин находится в ТЦ “Промнад”, по ул. К. Туровского в г. Минске. Мы являемся арендаторами. Посещаемость данного ТЦ крайне низкая, в магазине установлена камера видео-наблюдения. Через несколько месяцев, из-за низкой посещаемости, собираемся закончить арендовать данное помещение. Оплачивать установку данной кнопки нету ни возможности ни желания. Ни каким правонарушением мы не способствуем! Как правильно поступить в сложившейся ситуации чтобы избежать штрафов и не устанавливать кнопку ближайшее 2–3 месяца? Заранее благодарю»¹.

Вместо выявления причин и условий совершения преступлений, предусматриваемого позднесоветским криминологическим проектом, представление теперь обращено к потерпевшим, которым предлагается за собственный счет усилить – технологически – локальные системы безопасности.

Предполагается, что после того, как «кнопка» будет установлена, эта и другие технологии – будь то система распознавания лиц в терминалах Сбербанка, видеофиксация скоростного режима, пропуск через системы сканирования радужки, электронные браслеты домашних арестантов, геномный банк данных, хранение трафика – обеспечат условия возможности новой утопии – обще-

ства тотального контроля, где совершать преступления будет невозможно, неудобно, затруднительно и невыгодно в силу быстрого и неотвратимого разоблачения. Ключ к организации такого социального порядка – безопасность, которая очень хорошо продается, принося далеко не воображаемые политические и экономические дивиденды.

В этой логике участие человека может быть ограничено или вовсе исключено из тех сфер, деятельность в которых порождает серьезные риски. Кир Булычев в фантастической повести «Сто лет тому вперед» описывает взаимодействие московского школьника из XX в. Коли Герасимова и умной летательной машины будущего в 2082 г. Коля осваивается внутри автоматически движущегося флипа, обнаруживает ручное управление, начинает с ним экспериментировать, вызывает неодобрение других водителей-пассажиров и получает совет «перевести флип на автоматику <...> пока за тебя не сделали»:

«Коля хотел послушаться совета, но не успел. Вдруг рычажок без его помощи переключился на автоматику, и во весь пульт загорелась надпись: «ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ АВТОМАТИКА». Пузырь быстро пошел вниз, и через три минуты он уже

¹ Запрос размещен на [портале](#). Орфография и синтаксис сохранены.

неся в потоке других пузырей над самой землей, направляясь дальше, к космодрому» [Булычев: 36].

Умные технологии воображаемого будущего ликвидируют отдельные виды правонарушений радикально: они не изменяют социальные условия и не оказывают морального воздействия на индивида, а просто лишают потенциально опасного деятеля способности к действию, заменяя его машинным управлением.

Логика испытаний самоуправляемых машин, проводимых автомобильными и IT-компаниями, зеркальна опыту Коли Герасимова – машина управляется автопилотом, водитель перехватывает управление в опасной ситуации. И Tesla, и Uber уже имеют в своем послужном списке ДТП со смертельным исходом при испытании самоуправляемых машин. В 2016 г. во Флориде при управлении автомобилем Tesla на автопилоте погиб водитель. 18 марта 2018 г. в Аризоне Uber, управляемый роботом, совершил наезд на пешехода. В ситуации, когда человек не проявляет (не)нужной активности, вопрос о распределении ответственности между человеком и машиной решается в пользу машины. Национальный Совет по безопасности на транспорте – независимое федеральное агентство, уполномоченное устанавливать причину несчастных случаев, содействовать обеспечению безопасности и помогать жертвам транспортных происшествий, – в пред-

варительном отчете по ДТП со смертельным исходом с участием автомобиля Tesla на американском шоссе 101 указывает:

«• Система Автопилот была задействована четыре раза во время 32-минутного рейса, включая непрерывную работу в течение последних 18 минут и 55 секунд до аварии.

• За 18 минут и 55 секунд до удара Tesla предоставил водителю два визуальных предупреждения и одно звуковое предупреждение, чтобы он положил руки на руль. Оповещения были сделаны более чем за 15 минут до аварии.

• Руки водителя были обнаружены на рулевом колесе в общей сложности 34 секунды в трех отдельных случаях за 60 секунд до удара. Транспортное средство не обнаружило руки водителя на руле за шесть секунд до аварии.

• Скорость Теслы увеличилась – начиная с трех секунд до удара и продолжая до крушения – с 62 до 70,8 миль в час. До удара не было обнаружено торможения или уклонения от рулевого управления» [Preliminary Report...].

Автопилот вовремя не предупредил водителя об опасности. Перед крушением скорость автомобиля увеличивалась без вмешательства водителя. Выбор маневра также был произведен без его участия. Согласно заключению Совета, водитель не виноват. А кто виноват? Или вопрос о вине в системе координат, где главным актором является Автопилот, лишен смысла? Тактика действия

определяется программным обеспечением. И здесь необходимо уточнить, какой алгоритм вшит в программу, осуществляющую выбор?

В 2016 г. MIT запустил “*Moral Machine*” – платформу, которая предлагает всем желающим пройти набор тестов, содержащих сценарии дорожных ситуаций, в которых водителю требуется решить, кто пострадает в результате ДТП – животные или люди, ребенок или взрослый, старик или врач скорой помощи? У испытуемых есть возможность создать свой собственный сценарий. В 2018 г. были опубликованы результаты этого исследования: 40 миллионов актов выбора, сделанных в 233 странах. Чаще выбор производится в пользу людей (человек – собака), молодых предпочитают пожилым, а нескольких участников дорожного движения – одному.

Разве не становится машинный интеллект, запрограммированный в логике биополитического выбора, а потому реже, чем люди, оставляющий трупы на дорогах, воплощением технологической утопии максимально безопасного общества, которое постепенно превращается в нашу социальную реальность?

Три кейса, представленные в этой статье, это истории про то, как по-разному *утопическое* вступает в альянс с *криминологическим*. Используется ли набор утопических идей для формирования пенитенциарной модели современного общества, создания идеальной

криминологической модели эпохи позднего социализма или инфраструктур безопасности, во всех этих случаях *утопическое* – если мы оказываемся в состоянии его разглядеть и атрибутировать – работает как оптика *криминального*.

Литература

Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Пер. и вступ. ст.: Исаев М.М. М.: Юрид. изд-во НКЮ, 1939.

Булычев, К. Сто лет тому вперед. М.: Эксмо, 1978.

Вахштайн, В. Архитектура утопического воображения: попытка концептуализации // Социология власти. 2014. № 4. С 13–37.

В.И. Ленин о социалистическом государстве и праве // Правоведение. 1960. № 2. С. 3 – 14.

Кампанелла, Т. Город Солнца / Пер. с лат. Ф. Петровского. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947.

Карпец, И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М.: Российское право, 1992.

Курс советской криминологии. Т. 1 / под ред. В. Кудрявцева. М.: Юридическая литература, 1985.

Курс советской криминологии Т. 2 / под ред. В. Кудрявцева. М.: Юридическая литература, 1986.

Ленин, В.И. Работы В.И. Ленина 1917 г. и Вторая социалистическая революция / Ацюковский В.А., М.: Директ-Медиа, 2014.

Мор, Т. Утопия / Пер. с лат. А. Малеина и Ф. Петровского. М.: Изд-во АН СССР, 1953.

Солженицын, А.И. В круге первом. М.: Наука, 2006.

Таганцев, Н.С. Уголовное право (Общая часть). Часть 1. По изданию 1902 года. 2003. [Электронный ресурс] URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum105/> (дата обращения: 17.10.2018).

Танчук, И.А., Шейнин, Х.Б., Звирбуль, В.К. и др. Обсуждение Постановления ЦК Партии о юридической науке в научных и юридических учреждениях // Советское государство и право. 1965. № 2. С. 143–149.

Фуко, М. Безопасность, территория, население. / пер. с фр. Н. В. Суслова, А. В. Шестакова, В. Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2011.

Preliminary report issued for investigation of fatal, Mountain View, California, Tesla crash. (2008). Retrieved from: <https://www.nts.gov/news/press-releases/Pages/nr20180607.aspx> (date of access: 17.10.2018).

References

Atsyukovskiy, V.A. (Ed.). (2014). *Lenin, V.I. Raboty V.I. Lenina 1917 g. i vtoraya sotsialisticheskaya revolyutsiya* [Lenin, V.I. V.I. Lenin's works of 1917 and the second socialist revolution]. Moscow: Direct-Media.

Beccaria, C. (1939). *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On crimes and punishments] (M.M. Isayev, Trans. and comments). Moscow: Yuridicheskoye izdatelstvo NKYU.

Bulychev, K. (1978). *Sto let tomu vpered* [One hundred years ahead]. Moscow: Eksmo.

Campanella, T. (1947). *Gorod solntsa* [The city of the sun] (F. Petrovsky, Trans.). Moscow–Leningrad: AN SSSR.

Foucault, M. (2011). *Security, territory, population* (N.V. Souslov et.al., Trans.). St Petersburg.: Nauka.

Karpets, I.I. (1992). *Prestupnost': illyuzii i real'nost'* [Crime: illusions and reality]. Moscow: Rossiyskoye pravo.

Kudryavtsev, V. (1985). *Kurs sovetskoj kriminologii* [The course of Soviet criminology] (Vol. 1). Moscow: Yuridicheskaya literatura.

Kudryavtsev, V. (1986). *Kurs sovetskoj kriminologii* [The course of Soviet criminology] (Vol. 2). Moscow: Yuridicheskaya literatura.

More, T. (1953). *Utopiya* (A. Malein, & F. Petrovskiy, Trans.). Moscow: AN SSSR.

Preliminary report issued for investigation of fatal, Mountain View, California, Tesla crash. (2008). Retrieved from: <https://www.nts.gov/news/press-releases/Pages/nr20180607.aspx> (date of access: 17.10.2018).

Solzhenitsyn, A.I. (2006). *V krughe pervom* [In the first circle]. Moscow: Nauka.

Tagantsev, N.S. (2003). *Ugolovnoye pravo (Obshchaya chast')* [Criminal law (General part)] (Part 1). Retrieved from: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum105/> (date of access: 17.10.2018).

Tanchuk, I.A., Sheynin, Kh.B., & Zvirbul', V.K. (1965). *Obsuzhdeniye postanovleniya TsK*

Partii o yuridicheskoy nauke v nauchnykh i yuridicheskikh uchrezhdeniyakh [Discussion on the decree of the Central Committee of the Communist Party on law science in scientific and legal institutions]. *Sovetskoye Gosudarstvo I Pravo* [Soviet state and law], 2, 143–149.

Vakhshayn, V. (2014). Arkhitektura utopicheskogo voobrazheniya: popytka

kontseptualizatsii [Architecture of utopian imagination: conceptualisation attempt]. *Sotsiologiya Vlasti* [Sociology of power], 4, 13–37.

V.I. Lenin o sotsialisticheskom gosudarstve i prave [V.I. Lenin on socialist state and law]. (1960). *Pravovedeniye* [Legal sciences], 2, 3–14.

CRIMINOLOGICAL UTOPIAS: FROM CRIME-FREE SOCIETY TO TECHNO-SOCIAL SECURITY

Anna M. Razogreeva, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: a.razogreeva@gmail.com.

Abstract. The article compares two criminological utopias – the Soviet one, built on the belief in the death of crime at the approach of communism, and the utopia of the modern society of control, based on the technological production of safe spaces, processes and situations. Combining the ideas of Mannheim about the distinction between ideology and utopia, Foucault's biopolitics, Deleuze's society of control and Latour's technosocial situation, the author analyzes the mechanism of these projects in their relation to everyday life.

Soviet dreams of an ideal structure of a crime-free society are characterized in their break with everyday life. They were repeatedly voiced in the party's programmes, they acquired conceptualizations in special chapters of criminology textbooks, they found life in Soviet detective stories, but they did not work in practice. Professionals and the public always kept a distance – romantic, cynical or critical – from this project, depending on the time and circumstances. The idea of liberation of society from crimes, pushed into an uncertain future, acquired the dimension of mandatory judicial idea of the identification of crime causes and conditions in the routine of Soviet judicial bureaucracy.

The utopia of security, however, is described by the author through reducing the distance from the project to its technological implementation. Together with video cameras, dispassionately recording what is happening, facial recognition technologies, chips for dogs and children, alcohol detectors and car motion sensors, security is diligently and consistently integrated into the infrastructure of the metropolis. Gadgets and various devices, highlighting the ontology, neutralize doubts about the utopian security that via technology is becoming an integral part of the fabric of everyday life. It turns out to be both unattainable and realized here and now. The question is how this effect is achieved?

Key words: criminological utopia, crime, security, society of control, technosociality, space, city safety technology, the thing.

